

Война, плен и дезертирство в XX веке

© 2011 г. А. Б. АСТАШОВ*

ДЕЗЕРТИРСТВО И БОРЬБА С НИМ В ЦАРСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В последнее время исследователи все чаще ставят вопрос о способности России успешно продолжать участие в Первой мировой войне накануне Февральской революции. Некоторые авторы, положительно отвечая на него, отмечают эффективность дисциплинарных мер военных властей и успешность политики «мобилизации» нации. По их мнению, все угрозы моральному состоянию русских войск исходили извне¹. Для подтверждения этого необходимы, однако, конкретные исследования, в том числе и такого явления, как дезертирство².

Накануне Первой мировой войны дезертирство в царской армии существовало и даже увеличивалось³. Так, в 1911 г. за самовольные отлучки, побеги и неявку были осуждены 8 027, а в 1912 г. – 13 358 человек⁴. После вступления России в войну проблема дезертирства стала еще более острой. В сентябре 1914 г. командующий Юго-Западным фронтом Н.И. Иванов отмечал большое количество бродящих солдат и целых групп, их распушенность, случаи мародерства⁵. С фронта писали, что при отходе полков второй очереди солдаты разбегались по деревням целыми взводами; множество дезертиров появилось в Варшаве⁶. Солдаты массами бежали с поездов, шедших на фронт. По оценке начальника штаба Юго-Западного фронта М.В. Алексеева, с поездов дезертировали 20% нижних чинов⁷. Зимой 1914 г. власти были озабочены уже дезертирством с фронта.

Только Варшавским жандармско-полицейским управлением за декабрь 1914 г. – февраль 1915 г. были задержаны 3 500 дезертиров⁸. На железных дорогах Юго-Западного фронта с 15 декабря 1914 г. по 15 января 1915 г. задержали 12 872 человек⁹. Н.И. Иванов указывал, что большая часть задерживаемых сознательно уклонялась с пути следования к своей части, не желая нести не только боевую, но и никакую службу¹⁰. Начальник штаба Ставки Н.Я. Янушкевич писал в марте 1915 г. начальнику Жандармского корпуса В.Ф. Джунковскому, что побеги с поездов нельзя остановить розысками с солдат или малоопытных начальников эшелонов (в большинстве случаев молодых прапорщиков). Единственной мерой, способной пресечь «это громадное зло», Янушкевич считал привлечение к строжайшей ответственности сельских и волостных властей за недонесение о появлении на родине нижних чинов без установленных документов¹¹.

Множество случаев дезертирства было отмечено во время «великого отступления» летом 1915 г., когда после тяжелых боев солдаты «разбредались», частью попадая в плен или совершая побеги домой¹². Начальник снабжений Юго-Западного фронта сообщал в мае 1915 г., что солдаты, отстав от своих эшелонов, самовольно занимают затем места в пассажирских вагонах, размещаются на площадках и даже на крышах. Фронтовые штабы фиксировали в донесениях массу дезертиров, скрывавшихся среди беженцев¹³. Еще больший размах приобрело дезертирство с поездов, перевозивших

* Асташов Александр Борисович, кандидат исторических наук, доцент факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета.

маршевые роты, которые комплектовались из ратников ополчения. На Юго-Западном фронте эти побегі составляли по 500–600 человек с поезда, т.е. более половины состава¹⁴. При этом не действовали никакие меры предупреждения побегов: солдаты прыгивали с поездов на ходу, невзирая на выстрелы охраны¹⁵. Как правило, беглецы находили убежище в собственных или чужих деревнях, где жили месяцами¹⁶. Беглые, отсталые, бродяжничающие солдаты толпами появлялись на железных и грунтовых дорогах и Северо-Западного фронта, внося в войска «тлетворный дух деморализации». «Несвоевременное принятие мер к устранению этого явления и промедление могут вызвать грозные весьма опасные для всей армии последствия», – предостерегало фронтовое начальство¹⁷.

С осени 1915 г. дезертирство сопровождалось беспорядками, мародерством, грабежами в тылу армии, что отчасти являлось следствием широкого участия войск в реквизициях имущества и поджогах полей с урожаем во время «великого отступления». Министр внутренних дел кн. Н.Б. Щербатов в сентябре 1915 г. оказался свидетелем «невероятной распушенности» солдатской массы под Оршей. Обращаясь в Ставку, он требовал очистить тыл от мародеров, не останавливаясь ни перед какими мерами и суровыми наказаниями, а самовольно отлучившихся и пребывающих без дела нижних чинов вернуть фронту¹⁸. Тогда же командующий Западным фронтом сообщал о массе отсталых солдат, потерянных для армии, быстро деморализующихся, начинающих промышлять мародерством и даже бандитизмом, и требовал начать с этим борьбу «самыми быстрыми, радикальными, а в некоторых случаях и суровыми мерами»¹⁹. О массе самовольных отлучек нижних чинов и даже офицеров, о повсеместных беспорядках и поджогах в тылу в то же время телеграфировал начальнику снабжений Юго-Западного фронта Алексеев²⁰. Дезертирство проникло глубоко в тыл России: в декабре 1915 г. толпы бродячих солдат появились в Московском военном округе²¹.

Глубокой осенью 1915 г. побегі солдат из эшелонов, идущих на пополнение действующей армии, еще более усилились²². МВД придавало им «совершенно исключительное значение». В октябре был издан циркуляр, обязывавший полицию и жандармов оказывать всяческое содействие военным властям при охране эшелонов, а также принимать самые решительные меры для предотвращения побегов и задержания беглецов, которых следовало передавать местному воинскому начальнику²³. Заместитель начальника Главного штаба М.А. Беляев требовал от Главного военного прокурора принять «возможно более крутые меры» для прекращения побегов солдат с поездов внутри России²⁴. Фронтовое же начальство призывало не останавливаться «ни перед какими мерами и суровыми наказаниями, очистить тыл от мародеров, самовольно отлучившихся и пребывающих без дела нижних чинов», в том числе применять к бегущим меры телесного наказания до 50 розог, лишать их обычного материального обеспечения и т.п.²⁵

Зимой 1915–1916 гг. возникло новое явление: побегі с санитарных поездов легко раненых, которые либо бежали к себе в деревни, либо бродили по окрестным селениям²⁶. Весной 1916 г. только на Юго-Западном фронте задерживали около 5 тыс. дезертиров в месяц²⁷. Волна дезертирства нарастала, с осени 1916 г. она стала особенно мощной и уже не ослабевала вплоть до конца войны²⁸. Ставка продолжала требовать «планомерных решительных мер» против нелегально шатающихся в тылу без дела солдат и призывала применять «самые суровые наказания военного времени»²⁹.

Дезертирство на разных фронтах имело различные формы. Так, на Юго-Западном и Румынском фронтах солдаты просто бежали домой, и сами ротные командиры признавали, что «умные повтикали, а дураки остались»³⁰. На Западном же и особенно на Северном фронтах главным видом дезертирства было бродяжничество: солдаты под различными предлогами покидали свои части и вращались на театре боевых действий. Такая форма ухода от войны была связана с громадным масштабом позиционных работ на этих фронтах, с сильным контролем со стороны командования прифронтовой зоны

и близостью столичного региона, позволявшего «раствориться» в нем. Здесь бытовали такие формы дезертирства, как самовольные отлучки, отставание от эшелонов, «командировки» за покупками, поездки без документов, или с просроченными документами, или с документами, подписанными не командиром части, или и вовсе по подложным документам, или не по направлению, указанному в документах, и т.п.³¹ «Легальные» дезертиры, составлявшие на Северном фронте $\frac{3}{4}$ всех задержанных солдат, бродили по этапам, гражданским тюрьмам, гауптвахтам, куда они неоднократно попадали после очередной поимки³². Являясь на этапы босыми и даже «голыми», они чуть ли не в первый день прибытия заново обмундировывались. Начальство полков применяло к утратившим обмундирование бродягам строгие наказания, до телесных включительно, но они не достигали цели³³. Потери обмундирования достигали «ужасающих размеров», так как солдаты часто продавали его гражданскому населению. Крестьяне некоторых деревень в прифронтовых губерниях были сплошь одеты в военную форму, что в свою очередь затрудняло поиск среди них дезертиров³⁴. Бродячие солдаты часто устраивались на работы в прифронтовых городах, жили в притонах с сожительницами или с проститутками, занимались кражами, грабежами, подделкой документов для других дезертиров, сбытом обмундирования, просили милостыню³⁵. В тылу фронта появились авантюристы из числа дезертиров, выдававшие себя за офицеров, агентов снабжения продуктами и т.п.³⁶ Дезертиры легко включались в беспорядки на этапах и распределительных пунктах (например, в Гомеле и Кременчуге осенью 1916 г.)³⁷. Повсеместными были оскорбления дезертирами полицейских и жандармов на железной дороге, вплоть до драк и выбрасывания их из поездов. Шайки дезертиров появились даже в Астрахани. На селе дезертиры, порою бывшие до войны известными хулиганами, сопротивлялись местным властям, подстрекали односельчан к бунтам, распространяли антивоенные настроения и т.п.³⁸

Особенно сильно притягивали бродяжный солдатский элемент Петроград и его окрестности. Для задержания дезертиров в Петрограде была создана специальная (вторая) комендатура, задерживавшая еженедельно свыше тысячи человек³⁹. Тем не менее бродяги-солдаты ежедневно заполняли улицы столицы, что часто бросалось в глаза современникам, оседали в многочисленных чайных, ночлежках, мелких мастерских, притонах, создавали шайки воров и грабителей. Нередко из-за них вспыхивали мелкие стычки и даже побоища с полицией (особенно часто это происходило накануне Февральской революции)⁴⁰.

Сколько же всего было дезертиров в царской армии в годы Первой мировой войны? Согласно данным Ставки, до весны 1917 г. их насчитывалось 195 тыс.⁴¹ В историографии количество дезертиров иногда оценивают в 1,5–2 млн. При этом советские авторы были склонны завышать число дезертиров, в то время как историки-эмигранты, напротив, занижать, доказывая, что дезертирство получило широкое распространение вследствие революции⁴².

По всей вероятности, те цифры, которыми располагала Ставка, рассчитывались из числа задержанных при побеге с фронта в тыл. Так, на Северном фронте, согласно данным контрольных участков Двинского и Петроградского военных округов, с ноября 1915 г. по февраль 1917 г. были задержаны 56 176 человек⁴³. На Западном фронте, по данным Ставки, до марта 1917 г. задержали 13 648, на Румынском фронте – 67 845 человек. На Юго-Западном фронте, по сведениям, поступавшим от начальников военно-полицейских команд, местных губернаторов и начальников военных округов, к марту 1917 г. насчитывалось 64 582 задержанных дезертиров⁴⁴. К ним следует прибавить арестованных жандармами на железных дорогах внутри России (в 1915 г. – 148 803, а в 1916 г. – 74 753 человека)⁴⁵. Таким образом, только по официальным данным военных и жандармских учреждений на фронте и в тылу были задержаны около 420 тыс. человек, что на порядок превышает количество дезертиров в германской (35–45 тыс.) и британской (35 тыс.) армиях⁴⁶.

Менее всего сведений о количестве дезертиров, осевших во внутренних губерниях России. По сведениям гражданских властей, на каждую деревню приходилось по

одному, иногда по два и редко три найденных дезертира⁴⁷, т.е. всего около 300 тыс. человек⁴⁸. В целом же по стране с конца 1914 г. до марта 1917 г. задерживалось и проживало по месту жительства около 800 тыс. дезертиров. Общая же цифра тех, кто перед революцией прошел путь дезертира, включая незадержанных, может составить 1–1.5 млн. Впрочем, почти все задержанные вновь отправлялись в армию, поэтому их нельзя считать полностью уклонившимися от военной службы.

Для борьбы с дезертирством гражданские и военные власти применяли различные правовые, организационные и репрессивные меры. Большое значение имело судебное преследование, поскольку дезертиры полагались на безнаказанность своих действий⁴⁹. Согласно ст. 136 Устава о наказаниях, за побег во время войны в районе военных действий в первый раз назначались наказания не выше 5 лет в исправительных арестантских отделениях, во второй раз – каторга до 20 лет, а в третий раз – смертная казнь. Наказанием же за побег вне района военных действий являлось заключение в военной тюрьме и дисциплинарных частях за первый и второй побег, и отдача в исправительные арестантские роты за третий побег. При этом признание самовольной отлучки побегом обуславливалось лишь продолжительностью отсутствия независимо от цели отлучки, а само понятие побега имело формальный характер и не учитывало внутренние побуждения дезертира. В результате наказание для злостных дезертиров оказывалось слишком мягким, а при опозданиях, отлучках с целью повидаться с родными и т.п. – слишком суровым. Реально же всякий побег, даже в районе военных действий, в первый раз наказывался лишь пребыванием в исправительных арестантских отделениях в течение нескольких месяцев, а в тыловом районе – заключением в военной тюрьме (порою всего на месяц)⁵⁰.

М.В. Алексеев требовал «особого усиления» уголовной кары за уклонение во время войны от исполнения воинского долга, вплоть до смертной казни и бессрочной каторги, повышения наказания за неумышленное оставление службы, а также за повторные побегі хотя бы без наличия злого умысла (в том числе в тыловых районах, вне театра боевых действий)⁵¹. С 14 января 1916 г., согласно новой редакции законов о дезертирстве, побегом считалось самовольное оставление военной службы с целью уклонения от нее в действующей армии. Если такой цели не было, то отсутствие солдата до шести суток в мирное время, до трех суток во время войны и на сутки на театре военных действий признавалось самовольной отлучкой, которая наказывалась дисциплинарным взысканием. За побег во время войны теперь грозили каторжные работы (от 4-х до 20-ти лет) или смертная казнь⁵². Различия между первым и последующими побегами уже не проводилось. Одновременно фронтовое начальство усилило наказания за побегі с поездов, вменяя беглецам в вину полученные при прыгивании с вагонов увечья, которые рассматривались как умышленное причинение себе вреда для уклонения от службы⁵³. Однако, как показали последующие события, на практике доказать умышленность побега было невозможно, и военное правосудие оставалось бессильным перед реалиями современной войны.

На деле усиление наказаний за побегі было возможно только при эффективном судопроизводстве. Но на фронте старались избегать военно-полевых судов, передавая дела в корпусные суды, где они неизбежно затягивались⁵⁴. В случае побегов не с фронта, а из запасных частей, беглецов не предавали суду, а считали переведенным в другую часть⁵⁵. Главная же слабость судебного преследования состояла в том, что приведение в действие вынесенных дезертирам приговоров откладывалось до окончания войны⁵⁶, когда ожидался манифест об амнистии⁵⁷. В результате всех задержанных дезертиров вновь направляли в действующую армию⁵⁸.

Необходимость прекратить массовые побегі военнoслужаших остро осознавалась как Военным министерством, отвечавшим за мобилизацию, так и МВД. Начальник Отдельного жандармского корпуса Джунковский в своих циркулярах в 1914–1915 гг. неоднократно требовал от жандармов не только задерживать солдат без документов, но и наблюдать за теми, кто проявлял «особую склонность к агитационному собеседованию с нижними чинами»⁵⁹.

Борьбу с дезертирством сильно затрудняло укрывательство бежавших как населением прифронтовых городов, так и, особенно, жителями родных мест. В силу малочисленности полиции МВД не могло сколько-нибудь эффективно этому противодействовать⁶⁰. Поэтому военные стали предпринимать собственные меры. С начала войны дезертиров задерживали, через этапных фронтовых комендантов препровождали в свои части и там уже судили⁶¹. Однако система этапов охватывала только крупнейшие узлы сообщения на фронте и не соответствовала размаху дезертирства. Военное начальство полагало, что наилучшим средством для устранения возможности скрываться в тылу армий и затем продвигаться далее являлось установление непосредственно за позициями сплошных разъездов из смешанных жандармских дивизионов, казачьих частей, полицейских урядников и стражников эвакуированных местностей⁶². Для объединения и большего контроля над этапной и военно-полицейской службой в тылу армий создавались контрольные районы (участки). 25 сентября 1915 г., согласно приказу № 37 командующего Северным фронтом, такие участки были созданы в Петроградском (Лифляндская, Эстляндская, Петроградская, Новгородская, Тверская и Ярославская губ.) и Двинском (Витебская и Псковская губ.) военных округах. Командовали участками генералы, напрямую подчинявшиеся начальникам штабов армий, чьи тыловые районы они возглавляли, отвечая за «фактическую и экстренную» ликвидацию обнаруженных беспорядков, предавая военно-полевому суду провинившихся в уголовных преступлениях и немедленно отправляя по этапу в свои части виновных в дезертирстве⁶³. Подобные участки под командой особо назначенных офицеров появлялись и в районе Западного фронта на направлениях Мозырь-Гомель, Минск-Смоленск, Слуцк-Рогачев, Минск-Могилев⁶⁴. Кроме того, на Западном фронте для поимки дезертиров все крупнейшие прифронтовые города (Смоленск, Бобруйск, Вязьма, Рославль, Орша, Гомель, Брянск) были разделены на участки. Их патрулировали особые военно-полицейские команды⁶⁵. На крупнейших железнодорожных узлах в прифронтовых районах также действовали особые части, получившие инструкцию рассматривать как дезертира любого военнослужащего без документов на право передвижения⁶⁶. На Юго-Западном фронте на узловых станциях были назначены ответственные за сопровождение и проверку воинских эшелонов генералы и штаб-офицеры⁶⁷. В то же время под началом наличных или эвакуированных офицеров жандармской железнодорожной полиции создавались летучие команды, проверявшие документы следующих за черту театра военных действий⁶⁸.

Однако успешные меры, принятые сразу же после прекращения «великого отступления» осенью 1915 г., не принесли желаемого результата. Более глубокое устройство тыла началось зимой 1915 г. 27 ноября 1915 г. по приказу № 290 начальника штаба Верховного главнокомандующего в каждой армии в районах корпусных и армейских тылов создавались отряды военной полиции из чинов полевых жандармских эскадронов, железнодорожной и уездной полиции эвакуированных губерний. Началось разграничение армейских тыловых районов на этапные участки, а корпусных – на полковые и дивизионные. На небольших железнодорожных станциях появились подвижные военно-полицейские заставы. Предполагалось немедленно предавать беглых и мародеров военно-полевому суду при ближайшем этапном коменданте, упорядочить передвижение маршевых частей, следующих на пополнение, назначив для их сопровождения вооруженные команды⁶⁹.

Наиболее основательно тыл контролировался на Северном фронте, где одновременно с созданием контрольных участков 30 декабря 1915 г. была усилена деятельность военно-полицейских команд, подчинявшихся этапно-хозяйственным отделам армий⁷⁰. Военно-полицейские команды получили широкие полномочия и в отношении местного населения. Им поручалось регистрировать всех жителей в 3-верстной полосе от расположения частей полка, принимать меры против преступлений в отношении гражданских лиц как со стороны военных, так и штатских, устанавливать запрет на передвижение, занятие торговлей и проституцией. Во время боев они должны были возвращать в строй здоровых солдат, а также устраивать внезапные облавы в своих

районах, посылая летучие дозоры для обнаружения беглых и препровождения их в корпуса. Летучим отрядам предписывалось применять к дезертирам и мародерам самые суровые наказания военного времени⁷¹.

Для отправки дезертиров в действующую армию, согласно предписаниям Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) и Ставки, все уезды фронтов были приписаны к особым распределительным пунктам. Для Северного фронта таковым являлся Псков, для Западного – Гомель и Смоленск, для Юго-Западного – Киев, Жмеринка и Кременчуг, для Кавказского – Тифлис, Армавир, Александрополь и Екатеринодар. На указанные пункты задержанные направлялись воинскими начальниками и этапными комендантами тыловых районов фронтов. Команды беглых и нижних чинов «дурного поведения» отправляли под конвоем в Минский 101-й этап⁷².

Но даже наличие столь разветвленной системы военно-полицейских команд не обеспечивало успеха в борьбе с дезертирством. Постоянные облавы в сельской местности не давали результатов из-за пассивности и малочисленности местных властей, а порою и их небескорыстного потворства дезертирам⁷³. Военное министерство продолжало требовать помощи войсковым командам от МВД⁷⁴. Для сопровождения задержанных не хватало конвоиров, мест заключения, продолжалась неразбериха на этапных пунктах и путях передвижения пересылаемых⁷⁵. В целом начальство тыла невысоко оценивало результаты борьбы с дезертирством⁷⁶. Не помогло и предоставление командирам запасных батальонов права пороть дезертиров для «облегчения управления ротами и исправления преступного элемента»⁷⁷. Дезертирство, мародерство и разбой процветали в тылу армии. Спешно созданные ранней осенью 1915 г. контрольные участки не справлялись со своими функциями, а деятельность генералов, исполнявших в контрольных районах обязанности инспекторов с особыми полномочиями, вносила путаницу в работу обычных тыловых служб, ответственных за поддержание порядка⁷⁸. Усиление этапной и военно-полицейской службы привело к увеличению количества задержанных дезертиров, с которыми не знали, что делать. Сначала по указанию ГУГШ и дежурного генерала при Верховном главнокомандующем всех самовольно отлучившихся нижних чинов под усиленным надзором направляли в распоряжение дежурных генералов соответствующих фронтов⁷⁹. Однако количество задержанных к осени 1916 г. продолжало увеличиваться, а их проверка занимала слишком много времени. Посыпались предложения еще до выяснения личности отправлять дезертиров особыми командами под надлежащим конвоем на передовые позиции или хотя бы для фортификационных работ в виду неприятеля⁸⁰. 23 октября 1916 г. был издан приказ главнокомандующего Северного фронта, предписывавший зачислять дезертиров, личность и место службы которых не удалось установить, в запасные батальоны фронта, формировавшиеся начальниками этапно-хозяйственных отделов штабов армий. При этих запасных батальонах создавались нештатные роты и команды для содержания как «выясняемых», так и подозреваемых в совершении иных, кроме побега, преступлений. Такие же команды организовывались штабами армий и в войсковых районах. В них вводился суровый режим, существовавший в дисциплинарных частях, применялись телесные наказания; велись наиболее тяжелые работы, использовалось обмундирование, бывшее уже в употреблении, взамен обуви выдавали лапти⁸¹. По сути, в обход действующих законов на фронте создавалось подобие дисциплинарных частей, условия пребывания в которых вынуждали бы солдат предпочесть отправку в свою часть⁸².

Однако организовать работу в запасных частях не удалось из-за недостатка конвоиров⁸³. К тому же при неразберихе в переписке между частями, которую дезертиры увеличивали умышленным искажением личных данных, запасные батальоны быстро разбухали. Специальные роты при них рассматривались командованием как дисциплинарные части, куда с фронта стали присылать для исправления провинившихся солдат. Численность некоторых запасных батальонов и полков доходила до 20 тыс. человек⁸⁴, и начальник штаба Северного фронта опасался, что таким образом «можно в этих

командах собрать целую армию»⁸⁵. В целом идея особых частей, в которых дезертиры выдерживались бы перед отправкой на фронт, себя не оправдала. Дезертиры не только не исправлялись, а наоборот, обогащались преступным опытом.

Радикально проблему попытался решить осенью 1916 г. командующий Петроградским военным округом С.С. Хабалов. Дезертиров из частей округа, задержанных в его пределах, если они не совершили иных преступлений, кроме побега, он предлагал передавать для суда в свои части; задержанных из частей, находящихся вне Петроградского военного округа и также не совершивших иных преступлений передавать в запасные батальоны фронта, а дезертиров, совершивших уголовные преступления, предавать военно-полевому суду гарнизонов или начальников контрольных участков округа с немедленным исполнением приговора⁸⁶. Но и требования Хабалова натолкнулись на противодействие со стороны командующего Северным фронтом Н.В. Рузского. Он считал подчинение в судебном отношении Хабалову воинских чинов других округов коренным нарушением правил службы, согласно которым только непосредственный начальник нес ответственность за своих подчиненных. Рузский категорически возражал и против предоставления Хабалову прав командующего армией, что давало бы ему судебную власть над дезертирами⁸⁷. Несмотря на поддержку своих требований со стороны начальника снабжений Северного фронта⁸⁸, Хабалову не удалось получить запрашиваемые полномочия, которые, возможно, являлись частью его плана по нейтрализации нараставшего в Петрограде революционного движения.

Столь же плачевной была и судьба запасных частей после революции, когда считалось, что на волне революционного оборончества армия будет воевать более успешно, и из запасных частей начали спешно формировать маршевые батальоны, отправлявшиеся на фронт. Именно эти части оказали наиболее сильное дезорганизующее влияние на фронт, в результате чего командование стало требовать вернуться к приказу № 915⁸⁹. Однако помня печальный опыт дореволюционных запасных частей, военные опасались как отправления их солдат на фронт, так и оставления их в тылу. Некоторые военачальники предлагали создать в глубоком тылу настоящие дисциплинарные части, сосредоточив в них весь преступный элемент армии⁹⁰. Однако на такой опыт в условиях нараставшей революции военные власти не отважились, как и на создание штрафных частей, хотя такие предложения появились еще в октябре 1915 г.⁹¹ Появление же в августе 1917 г. запасных батальонов с куда более слабым, чем до революции, дисциплинарным режимом, фактически легализовало уклонение от пребывания на фронте⁹².

В годы Первой мировой войны так и не было создано центральных органов по борьбе с дезертирством, все отдавалось на усмотрение начальников фронтов и армий, отсутствовала согласованность в действиях различных структур. Военные власти оставались в плену старых понятий о дисциплине, не соответствовавших требованиям войны современного типа.

Примечания

¹ См.: *Нарский И.В.* «Я как стал среди войны жить, так и стала мне война, что дом родной...». Фронтвой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 488–503; *Sanborn J.A.* Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Northern Illinois University Press, 2003. P. 111–112, 204–205; *Gatrell P.* Russia's First World War. A Social and Economic History. Harlow, Pearson. 2005. P. 67.

² Важность изучения дезертирства уже отмечалась в литературе, однако ни его размеры, ни формы борьбы с ним не исследовались. См.: *Мовчин Н.* Комплектование Красной армии. Л., 1926. С. 122–129; *Оликов С.* Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. М., 1926. С. 13; *Ахун М.И., Петров В.А.* Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 35–36; *Булдаков В.П.* Красная смута. М., 1997. С. 30; *Wildman A.* The end of the Russian

Imperial Army: The old army and the Soldiers revolt. March to April 1917. Princeton (N.Y.), 1979. P. 87.

³ Дезертирство накануне войны определялось как «побег» или самовольное отсутствие на месте служения более 3 суток, а в районе военных действий – более суток (РГВИА, ф. 2003, оп. 3, д. 1219, л. 3).

⁴ Всеподданный отчет о действиях Военного министерства за 1912 год. Пг., 1916. С. 20–21.

⁵ РГВИА, ф. 2070, оп. 1, д. 365, л. 1–1 об., 24.

⁶ Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 544, л. 285, 439–439 об.

⁷ Там же, ф. 16142, оп. 2, д. 14, л. 31; ф. 2070, оп. 1, д. 365, л. 32.

⁸ ГА РФ, ф. 110, оп. 4, д. 3860, л. 172, 197.

⁹ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 1069, л. 409–410.

¹⁰ Там же, ф. 16142, оп. 2, д. 14, л. 146–147.

¹¹ ГА РФ, ф. 110, оп. 4, д. 3860, л. 313–319 об.

¹² РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 784, л. 115.

¹³ Там же, д. 1069, л. 409–410; ф. 2031, оп. 2, д. 541, л. 37–38.

¹⁴ Там же, ф. 2070, оп. 1, д. 365, л. 84–86, 87, 191–191 об., 252–254.

¹⁵ Там же, л. 191–191 об., 252–254; ГА РФ, ф. 110, оп. 4, д. 3861, л. 404–404 об.

¹⁶ РГВИА, ф. 2031, оп. 2, д. 541, л. 37–38.

¹⁷ Там же, ф. 2049, оп. 1, д. 382, л. 27–31 об.

¹⁸ Там же, л. 32–38.

¹⁹ Там же, л. 27–28.

²⁰ Там же, ф. 2070, оп. 1, д. 365, л. 84–86, 87.

²¹ Там же, л. 258.

²² Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 784, л. 96, 255–255 об.

²³ ГА РФ, ф. 110, оп. 4, д. 3861, л. 260–260 об.

²⁴ РГВИА, ф. 2003, оп. 3, д. 2686, л. 16.

²⁵ Там же, оп. 2, д. 784, л. 259–260.

²⁶ Там же, л. 279–279 об.

²⁷ Там же, ф. 2068, оп. 1, д. 267, л. 26, 96, 389–389 об., 391–391 об.; ф. 2070, оп. 1, д. 365, л. 361.

²⁸ Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 784, л. 404–404 об.; ф. 2031, оп. 2, д. 553, л. 417–417 об., 519 об.

²⁹ Там же, ф. 2032, оп. 1, д. 215, л. 2–4.

³⁰ Там же, ф. 2067, оп. 1, д. 2937, л. 27 об., 161, 331; д. 3863, л. 252 об., 284, 347 об.–348, 365.

³¹ Там же, д. 217, л. 78, 82.

³² Там же, д. 215, л. 61, 80, 133, 139, 200, 204, 210, 219, 224. Некий Артур Альман при направлении на фронт за 2 месяца умудрился быть задержанным в качестве дезертира различными командами Двинского и Петроградского военных округов 5 раз (там же, ф. 7699, оп. 1, д. 201, л. 121–121 об.; ф. 16142, оп. 2, д. 88, л. 174 об.).

³³ Там же, ф. 2068, оп. 1, д. 350, л. 484–484 об.

³⁴ Там же, ф. 1932, оп. 3, д. 288, л. 246–246 об.

³⁵ Там же, ф. 400, оп. 15, д. 4394, л. 40–40 об., 52–52 об.; ф. 1932, оп. 15, д. 122, л. 14 об., 19–23, 26, 38, 56–58, 89–91, 111–112 об., 114–114 об., 120, 130–131 об., 144–144 об., 154; ф. 2031, оп. 2, д. 553, л. 280–280 об.; ф. 7699, оп. 1, д. 201, л. 79, 154, 398; *Днепровский А.* Записки дезертира: Война 1914–1918. Нью-Йорк, 1931. С. 61–64, 81–83, 93.

³⁶ РГВИА, ф. 16142, оп. 1, д. 677, л. 1–2; д. 1304, л. 2–5; ф. 1932, оп. 15, д. 152, л. 53 об.

³⁷ Там же, ф. 1932, оп. 15, д. 236, л. 18; д. 152, л. 73–74; д. 195, л. 84–85.

³⁸ Там же, ф. 400, оп. 15, д. 4394, л. 43–44 об., 122, 131, 595 об.

³⁹ Там же, л. 587; ф. 2032, оп. 1, д. 215, л. 82–83, 91.

⁴⁰ Там же, ф. 400, оп. 15, д. 4394, л. 304, 369, 464; 537, 688, 695, 579; ф. 2031, оп. 2, д. 555, л. 35–35 об.

⁴¹ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 26.

⁴² *Головин Н.Н.* Россия в Первой мировой войне. М., 2006. С. 235–239; *Мовчин Н.* Комплектование Красной армии. С. 122; *Мовчин Н., А.Г.* Дезертирство военное // Большая советская энциклопедия. Т. 20. М., 1930. Стб. 834.

⁴³ Подсчитано по «донесениям о задержанных в тылу Северного фронта нижних чинов» (РГВИА, ф. 2032, оп. 1, д. 215).

⁴⁴ Россия в мировой войне... С. 26.

⁴⁵ ГА РФ, ф. 110, оп. 4, д. 4461, л. 56–57, 101–102, 145–146, 189–190, 235–236, 278–279, 322–323, 366–367, 410–411, 452–453, 494–495, 534–535. По всей видимости, уменьшение побегов внутрь России было связано с распространением и на Юго-Западный фронт системы строительства позиционной линии с осени 1916 г., что так же, как и на Северном фронте, «прикрепило» солдат на театре военных действий.

⁴⁶ См.: *Christoph Jahr. Gewohnliche Soldaten: Desertion und Deserteure im deutschen und britischen Heer 1914–1918.* Göttingen, 1998. S. 150, 168.

⁴⁷ РГВИА, ф. 2068, оп. 1, д. 267, л. 392.

⁴⁸ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи. Т. 1. СПб., 1999. С. 290.

⁴⁹ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 784, л. 266–266 об.

⁵⁰ Там же, ф. 1932, оп. 1, д. 4, л. 244–247.

⁵¹ Там же, ф. 2003, оп. 3, д. 2686, л. 18–18 об., 20, 37–37 об.

⁵² Там же, л. 38–39 об.

⁵³ Там же, ф. 2070, оп. 1, д. 365, л. 297.

⁵⁴ Там же, ф. 400, оп. 15, д. 4562, л. 153; ф. 2032, оп. 1, д. 215, л. 16–17, 35, 53–53 об., 66, 70, 73, 75.

⁵⁵ Там же, ф. 2003, оп. 3, д. 2686, л. 34.

⁵⁶ Там же, ф. 16142, оп. 2, д. 14, л. 146–147.

⁵⁷ Там же, ф. 2032, оп. 1, д. 170, л. 58 об.

⁵⁸ Там же, ф. 2068, оп. 1, д. 350, л. 708.

⁵⁹ ГА РФ, ф. 110, оп. 4, д. 3860, л. 50–50 об.

⁶⁰ Там же, д. 3861, л. 404–404 об.

⁶¹ РГВИА, ф. 2031, оп. 2, д. 553, л. 398–398 об., 422.

⁶² Там же, ф. 1932, оп. 3, д. 164, л. 709–709а.

⁶³ Там же, л. 2; ф. 2031, оп. 2, д. 553, л. 2; ф. 2049, оп. 1, д. 382, л. 47–48, 50.

⁶⁴ Там же, ф. 2049, оп. 1, д. 382, л. 72–72 об.

⁶⁵ Там же, л. 15, 136.

⁶⁶ Там же, л. 203–204.

⁶⁷ Там же, ф. 2070, оп. 1, д. 365, л. 265 об.

⁶⁸ Там же, л. 105–106, 123; ф. 2031, оп. 2, д. 553, л. 247–248 об.; ф. 2196, оп. 1, д. 483, л. 21 об.

⁶⁹ Там же, ф. 2070, оп. 1, д. 365, л. 413–414.

⁷⁰ Там же, ф. 2031, оп. 2, д. 553, л. 456.

⁷¹ Там же, л. 48–48 об., 412, 484–484 об.

⁷² Там же, ф. 2003, оп. 3, д. 2686, л. 64, 65–67.

⁷³ Там же, ф. 1932, оп. 3, д. 195, л. 1061; д. 288, л. 246–246 об.; ф. 2031, оп. 2, д. 555, л. 50–51.

⁷⁴ Там же, ф. 1932, оп. 3, д. 288, л. 207.

⁷⁵ Там же, д. 195, л. 1047–1048; д. 288, л. 252–252 об.

⁷⁶ Там же, д. 288, л. 6–7.

⁷⁷ Там же, ф. 2068, оп. 1, д. 350, л. 357.

⁷⁸ Там же, ф. 2031, оп. 2, д. 553, л. 57–57 об.

⁷⁹ Там же, ф. 2000, оп. 3, д. 1196, л. 132; ф. 2003, оп. 3, д. 2686, л. 60; ф. 2031, оп. 2, д. 553, л. 404–404 об., 408.

⁸⁰ Там же, ф. 2031, оп. 2, д. 553, л. 391–391.

⁸¹ Там же, л. 277–279.

⁸² Там же, л. 233–234, 415–416 об.; д. 555, л. 32; ф. 2032, оп. 1, д. 170, л. 7–8 об.

⁸³ Там же, ф. 2031, оп. 2, д. 553, л. 415–416 об.

⁸⁴ Там же, ф. 2032, оп. 1, д. 170, л. 7–8 об.

⁸⁵ Там же, ф. 2031, оп. 2, д. 555, л. 33.

⁸⁶ Там же, д. 553, л. 245–246; ф. 2032, оп. 1, д. 297, л. 111–111 об.

⁸⁷ Там же, ф. 2032, оп. 1, д. 297, л. 121–122, 126.

⁸⁸ Там же, л. 125.

⁸⁹ Там же, ф. 2031, оп. 2, д. 555, л. 140–142.

⁹⁰ Там же, л. 148–148 об.

⁹¹ Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 1067, л. 360–360 об.

⁹² Там же, ф. 2031, оп. 2, д. 555, л. 159–160.